

The background of the cover is a dramatic, painterly illustration of a battle scene. In the upper right, a dragon with golden scales and wings is engaged in combat with knights on horseback. The scene is filled with smoke, fire, and the chaos of war. The lower half of the cover is dominated by dark, turbulent water with a blue-green hue. The overall atmosphere is epic and intense.

12+

Пак Надежда Владимировна
Обыкновенная история

Самая обыкновенная
история

Надежда Владимировна Пак

Обыкновенная история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57151581

SelfPub; 2020

Аннотация

В этом сборнике объединяются несколько обычных сюжетов, вполне могущих иметь место в повседневной человеческой жизни и во многом решающих её исход – счастливый или, напротив, плачевный.

«Она стояла посреди манежа»

Она стояла посреди манежа,

Во все глаза народ из лож глядел.

Над головой ее почти небрежно

На нити шелкопряда шкаф висел.

Какая сила в розовых пуантах!

Какая смелость в женственных чертах!

Лишь оборвется нить, поддержка шкафа,

И эти ножки "выйдут" на руках.

Но не сходила с уст ее улыбка,

И не слабела грация в руках,

Все тело было несравненно гибко,

Светилось счастье в голубых глазах.

Скрипели дверцы платяного шкафа,

Качался неподъемный груз-палач.

Она под ним как бабочка порхала,

И плакали, что зритель, что циркач.

А шкаф висел. А дверцы все скрипели,

И шелковая нить уж стала петь,

И с ней в ушах молитвы зазвенели.

И все боялись на него смотреть.

Летят по залу крохотные ножки.

Оркестр замер, не решался гонг.

И если в мире доверять возможно,

Подобно верить ей никто б не смог.

Последний звук. Зажмуренные веки.

И тишина. И шкаф. А шкаф висит,

Беспорно, думая о человеке,

Который прямиком под ним стоит.

Зал разошелся в трепетном волнении.

А балеринка посмотрела вверх

И прошептала в тишине вечерней :

-ты точно был сегодня лучше всех!

Лишь опустел средь ночи темный зал,

Нить тут же порвалась и шкаф упал.

«Кровавая эстетика войны»

Она любила рисовать портреты.
Счастливых взрослых, пожилых, детей.
Она любила красочное лето
За тысячи палитр его полей.

Ее в войну отправили в 15,
И вместо цвета собственной весны
Годами приходилось любоваться
Кровавою эстетикой войны.

Ей больше красок брать не разрешали.
Позировать не шли ряды бойцов.
Она писала все карандашами.
Она писала только мертвецов.

А мертвецы – прекрасные модели.
Не шелохнутся несколько часов.
Они служили ей успокоением,
Заняв собой миры ее холстов.

В тот день ее отправили в разведку,
Начальник строго крикнул: "поспеши! "
Рванулась вольным соколом из клетки
И позабыла взять карандаши.

Унылый город тлел, и чужеземец
Едва ли б здесь нашел приют и кров.
На сером камне только мертвый немец
Направил взор к полету облаков.

Он показался ей таким прекрасным,
Лазурных глаз закрыть не пожелал.
Письмо, платком прикрытое атласным,
С простым карандашом к себе прижал.

Она взяла бумагу без раздумья,
Он текста набросал лишь пару строк:
"Прости меня, любимая, целую.
Будь лучше папы, сильным будь, сынок."

Она его до вечера писала -
Передавала каждый штрих в тенях.
Но все же в нем чего-то не хватало...
Кроваво-красных пятен на камнях.

Но цвет один. Как форма, темно-серый.
Как бледно-бледно серая щека.
Как тучи пепла. Выцвела, истлела
Измазанная грифелем рука..

Она совсем расстроилась, поникла,
И слух, настороженный в тишине,
Вдруг уловил "кап-кап". Под ним возникла
Та краска, что так свойственна войне.

Она вдруг рассмеялась дико как-то
И с точностью хирурга вновь и вновь
Нехитрой кистью из волос солдата
На сером рисовала кровью кровь.

На сером красный. Будто алой розы
У серых плит могильных лепестки...
Как лента на ветвях родной березы.
Как губ цветок у мраморной щеки.

Она письмо отправила солдата,
И через много лет пришел ответ.
Жена ушла, откуда нет возврата,
Лишь раз взглянула на его портрет.

Вздохнула не печально и не грозно.
Спокойно серый лист вложив в тетрадь,
Проговорила: "жаль, что очень поздно...
Я и ее могла бы написать".

«Нищий»

В одном позабытом Богами краю,
Где путник ни хлеба, ни света не сыщет,
Сидел одиноко у тополя нищий,
Лелея и холя гордыню свою.

Он больше других голодал в холода.
Желудок стонал волком северным в клетке.
Но падаль не ел и не трогал объедки.
И воля его была в этом тверда.

А в городе рядом стояла пекарня,
И запах оттуда манил и пленял.
Туда всей душою попасть он мечтал.
Она завладела сознанием парня.

Он в окна смотрел, мимо двери ходил,
Завидуя страстно вошедшим в обитель.
Он был непригляден: урод и вредитель,
Хозяин пекарни его окрестил.

Ему бы просить хоть о корочке хлеба,
Слегка пригоревшей, быть может, и что ж?
Суров пекарь был: "на кого ты похож?"
О, если бы только уродлив он не был.

И если бы только был полон он сил,
Задора исполнен, и был бы наряжен,
И вежлив явился при полном параде,
Хозяин бы точно его угостил.

От голода ныли сведенные ноги,
Другие пекарни не льстили бродяге,
Но стала слабеть нерушимость отваги,
Он шел по знакомой песчаной дороге.

Он видел в мечтах мягкий свет из-за двери,
И стоило запах узнать столь желанный,
Рванулся вперед, позабыв, что нежданный,
Как будто бы ноги его не болели.

Как будто бы руки всю жизнь были твёрды,
Он в дверь колотил белыми кулаками,
И разум его, бедолагу, оставил,
И дверь отворилась пред ним, перед мертвым.

А мимо, довольные крошкой обеда
С господских столов, шли, смеясь, бедняки...

«Папа думал, растит принцессу!»

Папа на ночь читал ей сказки.

Дочка долго не засыпала.
Златовласая синеглазка
Теребила его: "где мама?"

Он в руках потрепал страницу,
То согнет, то опять расправит...
"Мама, милая, стала птицей
И теперь в облаках летает.

У нее там свой птичий замок.
Посмотри-ка , ты папе веришь?
Ей спускаться нельзя, однако
Мама смотрит, как ты взрослеешь "

Его дочь была так прелестна...
Взглядом детским своим смотрела.
Папа думал, растит принцессу.
Так бы мама ее хотела...

Годы шли, подросла девчушка,
Скоро в школу, весь мир ей в радость,
С рыжей гривой и вся в веснушках
По двору с ребятнёй каталась.

Как прекрасно бывает детство...
Папа мчит на садовой тачке...

Папа думал, растит принцессу,
Но девчонка росла чудачкой.

Кудри медные заплетая
Своей дочки в тугую косу,
Он был грустен, не понимая,
Почему она так смеется...

Отказалась от манной каши.
Говорит, опоздает в школу...
Ради знаний, уроков? Как же...
Только для своего футбола...

Он и тренер болеют вместе.
Побеждает. Отца закалка.
Папа думал, растит принцессу.
Но девчонка росла пацанкой.

Первых слез непокорный возраст.
Он был тих и не лез ей в душу.
Он оденет ее, накормит.
Но молчание больно слушать...

Каждый всхлип папе резал сердце,
Книги мир заменили дочке.
Папа думал, растит принцессу,

Но девчонка росла одиночкой.

Роза-юность цвела упрямо...

Дочь шипами отца тревожит...

С каждым днем больше все на маму

Становилась она похожа ...

Кавалеры, фил.фак, начальник,

В парке ходит уже не с папой...

Папа до ночи ставит чайник,

Кипятит уже раз в десятый....

Дочка утром пришла с мужчиной...

Папа понял вдруг, ей за двадцать...

Посмотрел на свои морщины

И обнял дочь. Куда деваться?

К алтарю вел он дочь невесту

В ослепительном платье белом...

Папа думал, растит принцессу,

Дочка выросла – королева....

Старый папа в уютном кресле

Фотографий альбом листает.

"Внучка, – думает он, – принцессой

Обязательно точно станет"

«Портрет»

На белизне шершавого холста
Уверенной рукою, мягкой кистью
Седой художник девушку писал
Прекраснее, чем сотни тысяч в жизни.

Прямые ноги, гибкая спина,
Все линии нежны и грациозны,
И кожа королевская бледна,
И чёрной тьмой легли на платье косы.

Свой взгляд усталый в небо устремив,
Та девушка мечтательно молчала,
И слышно было, будто этот мир
В её портрете брал своё начало.

И звёзды карих глаз как из окна
Внимали внешней жизни безучастно,
И девушка одна, совсем одна
Художнику казалась так несчастна...

И звёзды он просил, ложась в кровать,
О помощи, подсказке и совете.
Холодным краскам как сумеет дать

Простой художник жизнь на этом свете?

И сон сомкнул завес усталых век.
И звёзды с неба с ним заговорили
О том, что не способен человек
Услышать среди мирские тучи пыли.

"Добавь на плечи след знакомых рук,
На губы тайну первого касанья,
Добавь в глаза восхода светлый круг -
Восход её счастливого свиданья.

Добавь в ладонь цветы, что миг назад
Она в забытой вазе разместила...
Добавь тот образ в карие глаза,
Что думать заставляет: "Я любима". "

И до зари седой художник встал,
Ни завтрака, ни ванны он не принял,
Он день и ночь без усталости писал,
Всё новый вид внося своей картине.

И силуэт в глазах, и след цветов,
И даже тень святого поцелуя,
Но сути звёздных не внимая слов,
Он рисовал печалью и тоскуя.

Тогда картину выставил он прочь,
Бесстрастный взгляд, на небо устремлённый,
Не в силах больше кистью превозмочь,
Назвав себя угрюмо "побеждённый".

Взошла луна и наливался парк
Фонарным тёплым желтоватым светом.
Под ним, уничтожая чёрный мрак,
Лежал портрет с прекрасным силуэтом.

Прямые ноги, гибкая спина,
Все линии нежны и грациозны,
И кожа королевская бледна,
И чёрной тьмой легли на платье косы.

И взгляд усталый в небо устремив,
Та девушка мечтательно молчала,
И слышно было, будто этот мир
В её портрете брал своё начало.

И будто бы с небес спустилась тень.
Художника она очаровала.
Девчонка, словно тёплый майский день,
У серого холста его стояла.

Они остались в парке том вдвоём,
Она послала взгляд ему украдкой,
И всё ей рассказал он обо всём:
О звёздах, знаках, тайнах и загадках,

Достав палитру, кисть из рюкзака,
Она задачу звёзд легко решила,
Добавив два почти пустых мазка,
Но холст луна как будто озарила.

И вот уж в небо смотрит не печаль,
А девичья живая благодарность
За жизнь, за свет, за Родину, за даль,
В которой не одна она осталась.

В глазах её зажёгся силуэт,
Невинной дрожью губы покрывались,
А на плече её явился след,
Где руки нежно девушку касались.

Лишь два мазка, картину не узнать.
Забыты недочёты и ошибки...
И кто бы мог подумать и сказать,
Что нужно лишь добавить тень улыбки...

«Важнейший в жизни женщины мужчина»

Вечерняя зоря цветком сверкала –
Готовилась к особой из ночей!
Она на торте свечи зажигала
Одиннадцать сверкающих свечей.

Последнюю к груди своей прижала,
Глаза закрыла счастья пожелать;
Вошёл любимый муж. Рука дрожала...
–Я должен тебе что-то рассказать...

Она не глядя выкрикнула:
–После!
Зови Серёжку – Будем отмечать!
В крови рубашка, на лице вопросы:
–Ответь мне... где он? Ну же, отвечай!

В глазах его темно. Он смотрит в стену.
Она к нему:
–Ну что же ты молчишь?
–Он умер.
–Нет... я... я тебе не верю..Ты шутишь!
–Нет
–Нет... Он ведь здесь... Малыш!

Ну ладно он – ещё совсем ребёнок,

Но ты как мог вот так со мной играть?!
Серёжка! Здорово спрятался! Как ловок!
Скажи же, что он может вылезать!

На взгляд его как на кинжал наткнулась:
–Ты не шутил?

Он опустил глаза:
–Машина... Сзади.. Всё... Перевернулась...
Нас придавило.. фары, тормоза...

Мы ехали в тоннеле. Он был сзади..
Я ничего не видел... темень, дым...
Прижало... я... машина всмятку....
–Хватит!!!

Зачем же ты не умер вместе с ним?...

К губам ладонь, в глазах стоит тревога.

Он руки ей на плечи положил...

–Нет... уходи

–Любимая...

–Не трогай!

Ты виноват... ты слышишь? Он бы жил!

Я столько раз просила: не в тоннеле!

Но почему он так хотел туда?

И ты повёз... Подарок? День рожденья?

А что теперь?

–Прости... прости, не знал, ...

–Прости? Ты это мне?... Прости?! Убийца!

Вы слышали? Прости! Верни его,

Тогда прощу.

В окно влетела птица,

Как если б дверью в рай пришлось окно.

Всё разом смолкло. Словно кто-то очень

По-детски попросил их не кричать.

Сверкал закат. Клонилося дело к ночи,

Но птица не хотела улетать.

Она как будто ждёт. И умным взглядом

То взглянет на него, то на неё,

Мол:

–Мам, не плачь... Отец, держись! Не надо!

Мы круто покатались! Всё улёт!

Вечерняя зоря уж угасала

Особая настала из ночей

Она в ладонях свечку всё держала,

На торте десять тающих свечей.

Огонь горел, как жизнь его горела.

Свеча в руках не дождалась огня –
Она её при нём зажечь хотела...
«Не уходи... не покидай меня»

Важнейшим в жизни женщины мужчиной
Стать может после мужа только сын.
Но что случится, если сын покинет?
Сегодня муж вернулся к ней один.